

Просочкина Татьяна Валерьевна окончила факультет журналистики ЛГУ им. А.А. Жданова, работает журналистом, пишет прозу.

К Дню матери мы обычно приглашали в студию многолетних мам или какие-нибудь интересные семьи, где родители и дети занимались творчеством, спортом, вместе путешествовали и могли рассказать о своих увлечениях. Как-то гостьей была женщина, которая воспитывала приемного ребенка. В прошлом году рассказывали о семье, где мама – русская, а папа – азербайджанец, как они прививают детям традиции своих национальностей.

Хотелось нового поворота темы, и вот наша редакторша предложила поговорить об одиноких мамах. Что они не побоялись растить детей в неполной семье, и это должно вселить оптимизм в тех женщин, которые сомневаются, рожать ли без мужей.

Передачу вела я, и искать героиню предстояло мне. Хотя я была убеждена, что мы должны пропагандировать традиционные семейные ценности, крепкие узы брака. Мы с мужем недавно отметили двадцатилетие семейной жизни, у нас росли двое детей, школьники, – всё, как и должно быть у нормальных людей.

Одна сотрудница вспомнила подругу, которая была формально одинокой мамой. То есть у нее не был зарегистрирован брак, но она благополучно жила с отцом своего ребенка. Числилась одинокой матерью и получала пособие.

У другой одинокой мамы дочери было уже семнадцать лет, а для радиопередачи хотелось маленького ребенка, чтобы получилось более трогательно.

И тогда оказалось, что у той женщины с взрослой дочерью, в доме, в соседнем подъезде живет знакомая, как раз нам подходящая. Полина, сорок лет, сыну два с половиной года.

Я поговорила с Полиной по телефону, и она согласилась прийти в студию. Только очень волновалась, и мы договорились, что Поля запишет историю своей жизни. Тогда

и подготовиться ей будет легче, и подсматривать в текст можно.

Полина пришла очень нарядная – как будто не на радио, а на телевидение. В мутно-зеленом свитере с розовыми цветами она выглядела как орхидея из Таиланда. Симпатичная такая, – даже странно, что одинокая мама.

– Я всё написала, – улыбнулась она, – только, наверно, в моей истории нет ничего уникального.

Я усадила гостью пить чай с плюшкой, а сама стала читать ее текст, набранный на компьютере 14-м кеглем.

С первых строк стало понятно, что у Полины филологическое образование, и она написала настоящее литературное произведение.

В нашей семье не приживались мужчины. Они или умирали, или уходили.

Прадедушка погиб на войне. Дедушка – в аварии. Второго мужа бабушка прогнала через месяц после регистрации брака: он пил и продавал вещи из дома.

Папа умер, когда я была совсем маленькой. Это произошло летом. Несколько дней держалась сильная жара, а папа был очень высокий, и сердце не справилось с нагрузкой. Вечером он вошел в подъезд и упал на лестнице. Точнее, не упал, а сполз по стене. Бабушка потом мне говорила: «Хорошо, что ни минутой раньше, ни минутой позже. Упал бы во дворе, лицом об асфальт, соседи бы набегали. Или бы позже: помер в квартире, тебя бы напугал, приехали бы скорая, милиция». Я думаю, так можно воспринять гибель родственника только, если не очень его любить.

Потом появился отчим, и мама даже как-то расцвела, стала ярче одеваться. Но отчим быстро расстался с нами, мне не объяснили, почему. И я привыкла, что в нашей семье женщины одинокие. И к тому, что мне с кавалерами не везет, тоже привыкла. От меня тоже все уходило. Кто-то – сразу, кто-то – через некоторое время. Или я в ком-то разочаровывалась.

Разочарования начались сразу – с детства, с юности. Когда я была в пионерском лагере, я влюбилась в одного мальчика из соседнего отряда. А потом увидела, что он бросает камни в лягушек. Ну как тут можно не разочароваться!

Если приходила на дискотеку, ко мне подходили хромые или пьяные. Если с кем-то знакомилась, – встречались раз или два.

С Юрой общались полгода. Мы ходили в музеи, в театры, в кино. Я ждала, что в какой-то момент он свернет с разговоров об искусстве на что-то личное. А он вдруг однажды сказал, что решил жениться. Не на мне, а на даме с черепахой. Юра рабо-

тал фотографом, фотографировал детей и животных, и нашел по объявлению эту фотомоделю. Не стал с ней встречаться полгода – в первый же день решил жениться. Снимок мне показал: такая экзальтированная дама с цветной татуировкой попу-гая на плече, а на голове – черепаха лист салата жует.

Еще был Слава. С ним мы встречались месяца три. Он приехал к нам в июне на дачу. Пошли в лес. Таким красивым я не видела наш лес больше никогда: море цветущих ландышей, и в них – белые грибы. Маленькие, крепенькие, с темно-коричневой шляпкой. Мама называла эти боровички «булочки». В ее детстве были такие булочки с шоколадной глазурью. Мы вернулись с корзиной грибов и большим букетом ландышей. Мама накормила нас крошкой.

А потом мы вышли в сад. Клубника тогда сильно цвела. Мама говорила: «Как молоком облита». Помню, мы со Славой стояли у грядки, он обнял меня, и тут рядом мякнул наш котенок Пуфик. Слава обернулся: «К нам гости пришли». И еще сказал: «Красиво цветет клубника! Я приеду к тебе, когда ягоды поспеют. Очень люблю клубнику».

Клубника поспела. Я сначала не собирала ее – ждала Славу. Потом думаю – дрозды же поклюют, собирала ягоды и представляла себе, что это для Славы. Варенья наварила – чтобы мы вместе зимой пили чай и вспоминали дачу и лето. Чтобы Слава сказал: «Пуфика я совсем маленьким видел, а теперь он вытянулся, стал, как олененок на длинных ножках».

А Слава не вернулся ко мне. И так и не пробовал то варенье. И не увидел ни Пуфика, ни меня. Когда я позвонила ему после отпуска, Слава ответил, что мы не подходим друг другу, и я достойна лучшего.

Это был очень тяжелый период в моей жизни. Я скучала, ждала и понимала, что он-то не скучает ни грамма! Кстати, интересно, почему скука измеряется в граммах? Не в сантиметрах, не в градусах?..

В общем, история моих романов – как история болезни, история невезений.

А Лиде, моей подруге, всегда везло. Ей звонили, стояли под ее окнами, дарили цветы и плюшевых медведей. Один парень даже влез на ее подоконник по водосточной трубе, а живет Лида на четвертом этаже, и сунул букет в форточку. Правда, он промышленный альпинист.

С Лидой происходили удивительные встречи, случались разные совпадения. Вот вы, например, можете познакомиться с олигархом в метро? А Лида познакомилась. Он ехал в метро в бордовом пиджаке с оторванной пуговицей. Заметил, что Лида на него смотрит, и сказал: «Машина сломалась, пуговица оторвалась. Еду в метро,

как дурок». Лида достала булавку, приколотую пуговицу. Так и познакомились. До сих пор дружат семьями.

У Лиды и в мелочах всё удачно складывается. Смотрю, например, у нее на джинсах ремень красивый, красивее, чем сами джинсы. Спрашиваю: «Где купила? Сколько стоит?» Оказывается, просто купила джинсы, а ремень в подарок дали.

Лида всегда была в центре мужского внимания и даже пыталась со мной поделиться кавалерами. Но я их не заинтересовала. Например, ее сосед: расстался со своей девушкой, вроде был свободен. Только я собралась на свидание — они помирились.

Теперь о том, как я стала одинокой мамой. Я ни о чем не жалею и считаю, что всё правильно сделала. Потому что, когда я забеременела, мне было тридцать семь лет, — куда же дальше откладывать? Я очень хотела, чтобы у меня родился ребенок, хотела испытать это чувство: быть мамой. Есть ребенок, есть смысл жизни.

Сначала решила посоветоваться с психологом. Психолог меня поддержала. Она сообщила, что к выбору отца ребенка надо подойти очень ответственно. Желательно, чтобы он был женат, потому что семейный человек ведет более здоровый образ жизни. «Отец — должность селекционная», — сказала она. И посоветовала далеко не искать, а посмотреть поблизости: на соседей, товарищей по работе, вспомнить, с кем училась.

И всё очень удачно сложилось. Как по заказу. Мы с одноклассниками собрались на встречу — двадцать лет после окончания школы. Все ровесники, но женщина в тридцать семь — это не мужчина в тридцать семь!

Посмотрела я на парней внимательно и выбрала Сережу. Жизнерадостный, спортком занимается. Улыбка красивая, зубы хорошие. Когда мы учились в школе, Сережа мне немного нравился, но он тогда не обращал на меня внимания. А тут мы по-новому увидели друг друга, проговорили весь вечер и за этот вечер узнали друг о друге больше, чем за все школьные годы.

С Сережей мы встретились несколько раз, и я благодарна ему за эти встречи.

Потом, когда Игорешик родился, Сережа пришел нас навестить. Принес не цветы, не игрушку, а парное мясо с рынка. Сказал мне: «Ты кормящая мама, тебе надо хорошо питаться».

У меня как раз Лида была в гостях. И она нас сфотографировала — меня, Сережу и Игорешика, чтобы сын увидел, что у него был папа.

А недавно в детской поликлинике я познакомилась с женщиной, от которого ушла жена и оставила его с маленькой дочкой. Оказывается, и такое бывает. Мы обменялись телефонами и теперь перезваниваемся с этим одиноким папой.

...Я посоветовала Полине сократить про подругу, покороче рассказать про состоявшихся женихов и убрать те места

в тексте, где очень личное. Мы немного порепетировали. Началась запись радиопередачи.

... Сюжет удался. Полина выступила отлично. Грамотная речь, хорошая дикция, приятный голос — не всегда ведущему так везет с гостем. Я даже сама прослезилась. После музыкальной паузы, когда на передачу стали звонить разные люди, я почувствовала душевный подъем от творческой удачи — не зря мы выбрали эту тему.

— Спасибо, что заговорили об одиноких мамах! — сказала первая позвонившая, представившаяся Майей. — Знаете, если бы все женатые мужчины сидели по домам, у многих женщин просто не было бы детей. Мы же не можем размножаться почкованием.

— Я тоже была одинокой мамой, — рассказала следующая радиослушательница. — А потом, когда сын уже пошел в школу, я вышла замуж, и мой супруг принял сына, как своего. Сейчас у нас есть и общая дочка. Полина, жизнь переменчива! Может, и у вас что-то сложится с тем человеком, с которым вы в поликлинике познакомились.

Если бы не прямой эфир, этот фрагмент я бы смонтировала в конце, как позитивный, жизнеутверждающий и логично завершающий тему.

— Да вы обалдели со своей передачей! — это был новый звонок. Женский старческий голос выкрикивал: — Как можно рекламировать такой недостойный образ жизни? У каждого своя судьба, и если не суждено тебе замуж выйти, нечего у других счастье отнимать. А вы, вот вы, кто на радио, должны рассказывать о приличных людях.

— Подождите, как вас зовут? — спросила я.

— Неважно, как меня зовут! Я сейчас вообще ваше радио выключу. Обалдели!

Полина покраснела, я дала ей стакан воды. И тут раздался еще звонок. Мы ждали откликов от женщин, но в трубке звучал голос пожилого мужчины:

— Для меня то, о чем вы говорили, это очень болезненная тема. Меня тоже воспитывала одинокая мать. Я очень переживал и ее осуждал. Мне было два года, когда началась война, а после войны многие мои сверстники остались без отцов. Но я чувствовал, что у меня другая ситуация, что у меня всё равно не было отца. И в свидетельстве о рождении прочерк.

— Извините, вас как зовут?

— Сергей Михайлович.

— Сергей Михайлович, как вы могли осуждать мать — самого близкого и родного человека? Она же вам жизнь дала.

— Вам легко рассуждать, вы росли в полноценной семье. Я уже когда стал взрослым, стал относиться к этому по-другому и пытался мать понять и простить. Она мне потом рассказывала, что отец мой погиб на войне. Что он, как и отцы моих сверстников, защищал Родину. У него была травма, и на фронт его не взяли, он пошел в ополчение... Я вообще позвонил, чтобы

сказать, что сейчас, когда много чего выдал на своем веку, желаю Полине, чтобы всё у нее с сыном было хорошо. Чтобы сын был ей в старости поддержкой и опорой. И ей самой здоровья и счастья.

— Спасибо вам за звонок, Сергей Михайлович!

И сразу новый звонок, очень лаконичный:

— Полина, держись! Всё будет хорошо!

Дальше тема приобрела новый аспект.

— Вас послушать, и получается, что мужчина не должен нести никакой ответственности ни за своего ребенка, ни за свою женщину, — голос собеседницы звучал раздраженно. — Мы встречались с молодым человеком три года. Хотели пожениться, когда ребенок родится. А девочка родилась инвалидом. И папашка сразу передумал на мне жениться. В самый трудный момент укатил в Москву, работу какую-то там нашел в Подмоскovie. Потом вернулся. Я узнала от общих знакомых, какого числа и в какое время он в Питер приезжает. Пришла на вокзал, думала: убью его прямо на перроне. Так этот идиот не на Московский вокзал приехал, а на Ладужский, на поезде «Арктика»! Теперь у него всё хорошо, а вся моя жизнь — это больницы, санатории, реабилитационные центры. Ни работать толком не могу, ни познакомиться ни с кем, и перспектив никаких.

— Мы вам очень сочувствуем, — сказала я. — Понимаю, как вам тяжело. Но найдите в себе силы. Есть общественные организации, объединяющие женщин с такими же судьбами, как ваша, женщины помогают друг другу.

— Да кто вообще придумывает людям такие судьбы?! Почему у моих подруг нормальные семьи? А вы в вашей передаче вместо того, чтобы мужчин призвать к ответу, рассказываете про счастливую одинокую мать.

— Я не считаю себя счастливой одинокой матерью! — вступила в разговор Полина. — И у меня есть трудности, и у всех они есть. И я хотела бы быть с мужем, но не получилось. Вы думаете, я не завидовала жене Сережи? И было вот так легко на всё решиться?

— У вас сын здоров! И бабушка помогает. Время передачи заканчивалось, я сказала добрые слова моей героине и слушателям, поздравила всех женщин с Днем матери.

Перед уходом Полина сказала мне: — Я на всякий случай фотографию взяла, про которую рассказывала. С Сережей и Игорешиком. Похоже на семейный портрет, правда?

Поля протянула снимок. Всё понятно... И возраст подходил, и психолог подсказала про женатого мужчину. Только почему эта Орхидея из Таиланда выбрала именно мужа моей сестры?... Ах, ну да, селекционный отбор.

